

V Открытый фестиваль православной культуры

«Шатёр Андрея Боголюбского»

Конкурс литературных работ «Зову я в душу Серафима»

«Даль светла»

(эссе)

Автор:

Сижанова Наталья

Ученица 9 «Б» класса

МАОУ г. Владимира «Лицей №14»

Владимир

2017

«Даль светла»

Душа моя затосковала ночью.
А я любил изорванную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту
И звезды, брезжущие на лету.

Арсений Тарковский

С чего начинается поэт? Со стихов, заданных на дом или со строк вдруг чем-то неожиданно зацепивших глаз, слух, душу? Для меня знакомство с Евгением Золотаревским началось и с того, и с другого. Учитель велел посмотреть, почитать – вдруг понравится. И – понравилось! *«Нас бликов чистые ступени туда ведут в осенний сад, где яблонь мыслящие тени зла друг на друга не таят...»*, - по этим чистым ступеням, полным созвучий моей душе, я пошла, но не в осенний, а в весенний сад. Уж очень светлым и лёгким оказалось поэтическое перо.

Как метафоричен стих Евгения Золотаревского:

*Есть ли свобода в мыслях жуки —
Летящих кверху пузырьках?
Или в скрипичном низком звуке,
Рожденном воздухом в крылах?*

Так смело образным был только Б.Пастернак! Вспомните его *«Весна, я с улицы, где тополь удивлен, где даль пугается, где дом упасть боится, где воздух синь, как узелок с бельем у выписавшегося из больницы»*. Но передо мной явно поэт иного времени. Человек более (простите Борис Леонидович) образованный. Человек, рассуждающий о вечном с построенными почти на терминах сравнениями: *«Как амёбное деление, как движение сквозняка, я несу и жизнь, и тление во Вселенной»*. Он смелый и дерзкий ровесник

Циолковского и Королёва: «Это я вам выстругал из щепки космические ваши корабли!». И при этом пропитанный поэзией Серебряного века. Проросший его духом.

Возможно, покажутся неприемлемыми параллели. Но я так увидела и услышала этого поэта. Помните детское «У чудищ» К. Бальмонта: «Я был в избушке на курьих ножках...». И дерзкий лирический герой «стянул у старой две нитки бус. Разгневал Ведьму, и скрылся в дымке», а затем и вовсе отправился к Кощею за жемчугами для песен. В стихотворении Евгения Золотаревского «Жар-птица» герой не менее смел:

Жар-птица вяжет сны живым.
А под печатью в подземелье —
тропинки к стёжкам путевым.
К ней столько славных приходило!
А только Ванька сирый мог
Макнуть её перо в чернила,
И – снять печать, открыть замок!

А сколько отчаяния в страстных метаниях от веры к безверию у С.Есенина и Е. Золотаревского! «Стыдно мне, что я в бога верил. Горько мне, что не верю теперь», - страдает поэт начала двадцатого века. «Нельзя полюбить при безверии, а при вере нельзя разлюбить», - убеждает его поэт конца века. И, словно оправдывая свою «осеннюю» фамилию, тоскует душой по святой любви: «Дай мне, осень, любовь шестикрылую на рассвете грядущего дня, чтоб опиться неведомой силою и тебя защитит от меня». И для меня это прозвучало отголоском блоковской «Осенней воли»:

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

И всё же, несмотря на эту тоску, даль, в которую позвал меня поэт, оказалась светла. Замыкая круг параллелей, скажу о самом светлом и легком – об отношении к времени. Для меня раньше это был Б. Пастернак со стихотворением «Единственные дни»:

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

А теперь я нашла себя во времени благодаря строкам Е. Золотаревского:

Кругосветными скитальцами
Стрелки меряют свой срок,
Я меж собственными пальцами
Просыпаюсь, как песок...

Спасибо поэту и слову, что они помогают увидеть время и понять себя.